18+

Дмитрий Иванов

Партия в четыре руки

Дмитрий Иванов

Партия в четыре руки

«Издательские решения»

Иванов Д.

Партия в четыре руки / Д. Иванов — «Издательские решения»,

Принцесса Селена и посол враждебной державы Дариус ненавидят друг друга — но чтобы остановить войну, они вынуждены сыграть фиктивную помолвку. Двор полон интриг, покушений и лжи. А главное — чем дольше длится игра, тем труднее отличить ненависть от любви. Одна партия. Два врага. И никто не выйдет прежним.

© Иванов Д.
© Издательские решения

Содержание

АКТ I. ПЕРЕГОВОРЫ 6
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Партия в четыре руки

Дмитрий Иванов

© Дмитрий Иванов, 2026

ISBN 978-5-0071-6135-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АКТ I. ПЕРЕГОВОРЫ

Глава 1. Принцесса, которая не хотела короны

Принцесса Селена Тарвейская ненавидела переговоры.

Не потому, что не умела — умела она лучше многих. Не потому, что боялась — бояться она разучилась в двенадцать, когда на её глазах убили мать, и с тех пор страх в ней словно выгорел до самого дна, оставив только пепел и привычку смотреть в лицо любому, кто держал нож. А потому, что переговоры были игрой, где все лгали. Лгали красиво, лгали вежливо, лгали с улыбками и поклонами, и в этой лжи было больше крови, чем в открытом бою. Селена устала от лжи. Она устала от придворных, которые говорили одно, а думали другое. Она устала от советников, которые смотрели на неё как на инструмент — полезный, но необязательный. Она устала от собственного брата, который любил её, но любил корону сильнее.

Она стояла у окна своей башни и смотрела на море.

Башня была старой. Камни её помнили ещё прадеда Селены, а может, и прапрадеда — никто уже не знал точно, когда её построили. Ветер дул с моря и приносил запах соли и водорослей, и этот запах был единственным, что не менялось в Тарвее за все годы. Селена любила его. Она любила всё, что не менялось, — потому что всё остальное менялось слишком быстро, слишком часто, слишком жестоко. Она помнила, как в детстве сидела на этом подоконнике с матерью и считала корабли. Она помнила, как мать говорила: «Смотри, Селена. Каждый корабль — это чья-то история. Кто-то уходит, кто-то возвращается. Море помнит всех». Селена тогда не понимала, что это значит. Теперь понимала слишком хорошо.

Море было серым, как и всё в Тарвее в это время года. Серое небо, серые волны, серые лица придворных. Серый камень стен, серый мох на камнях, серые чайки, которые кричали над гаванью так, будто их кто-то обидел. Селена любила это море, хотя оно и было серым. Оно было честным. Оно не притворялось голубым, как на картинках в детских книгах. Оно было таким, каким было, — холодным, глубоким, опасным. И в этом Селена находила странное утешение. В мире, где все носили маски, море было единственным, что не носило никакой.

Она помнила, как отец учил её читать. Ей было пять, и она не могла запомнить буквы. Отец водил её пальцем по странице и говорил: «Смотри, Селена. Это — „А“. Как „Альрик“. А это — „М“. Как „море“». Она запомнила. Потом она запомнила всё остальное. Потом отец умер, и Альрик стал королём, и всё изменилось. Но буквы остались. Буквы не менялись. Буквы были как море — честными.

Единственным ярким пятном в её жизни был брат — король Альрик, который унаследовал трон три года назад, после смерти отца, и с тех пор не переставал втягивать её в свои дела. Альрик был хорошим королём. Не великим — великих в их роду не было уже лет сто. Но хорошим: он умел слушать, умел решать, умел держать слово. Он только не умел держать сестру в стороне от политики. «Ты — моя правая рука», — говорил он. «Ты — мой голос», — говорил он. «Ты — единственная, кому я доверяю», — говорил он. И Селена верила. Потому что это было правдой. И потому что альтернативой было сидеть в башне и вышивать, а вышивать она ненавидела ещё сильнее, чем переговоры.

Она помнила тот день. Ей было двенадцать. Мать стояла в дверях зала, закрывая собой дочь. Солдаты Вейлранда ворвались в замок — она не знала, как они прошли, кто их пропустил, почему стража не успела. Она помнила кровь на мраморном полу. Она помнила лицо матери — спокойное, почти улыбающееся. «Не бойся, — сказала мать. — Я с тобой». И потом её не стало.

Селена не плакала тогда. Она не плакала потом. Она научилась не плакать — это было проще, чем казалось. Слёзы — это вода, а вода в Тарвее была серой и холодной, и Селена не хотела, чтобы её видели плачущей. Никто. Никогда.

— Ваше высочество.

Селена обернулась. На пороге стояла её фрейлина, леди Марта, с папкой в руках. Марта была невысокой, круглой, с лицом человека, который всегда знает больше, чем говорит, и с привычкой появляться в самый неподходящий момент. Она служила ещё матери Селены и с тех пор считала своим долгом следить за принцессой так, будто та всё ещё была двенадцатилетней девочкой, потерявшей мать.

— Что?

— Посол Вейлранда прибыл.

Селена поморщилась.

Вейлранд.

Держава, которая двадцать лет воевала с Тарвеем. Держава, которая убила её мать. Держава, которая прислала посла с предложением мира — после того, как обе стороны устали считать трупы. Двадцать лет войны. Двадцать лет, за которые погибли тысячи. Двадцать лет, за которые Селена научилась ненавидеть слово «Вейлранд» так, как ненавидят зубную боль или сквозняк в комнате.

— Когда? — спросила она.

— Сегодня утром. Он ждёт в малом зале.

Селена взяла папку. Внутри были документы — условия переговоров, которые Альрик подготовил вместе с советом. Селена прочитала их. Потом перечитала. Потом закрыла папку.

— Это не условия мира, — сказала она. — Это условия капитуляции.

— Ваш брат считает иначе.

— Мой брат ошибается.

Марта промолчала. Она знала, что спорить с принцессой бесполезно. Селена была упрямой — не глупо упрямой, а упрямой по-настоящему, той упрямостью, которая заставляла её в двенадцать лет смотреть в глаза убийце матери и не отводить взгляда. Марта помнила тот день. Она помнила, как солдаты Вейлранда ворвались в замок, как мать Селены закрыла собой дочь, как кровь текла по мраморному полу, как Селена стояла, бледная, сжавшая кулаки, и не плакала. Она не плакала тогда. Она не плакала потом. Марта иногда думала, что это её пугает больше всего.

— Ваше высочество, — сказала Марта осторожно. — Может быть, вам стоит надеть что-нибудь более… официальное?

Селена посмотрела на своё платье. Простое, серое, без украшений. Она ненавидела украшения. Они напоминали ей о том, что она — принцесса, а значит, должна выглядеть.

— Я выгляжу нормально.

— Ваше высочество…

— Марта.

— Хорошо, — вздохнула Марта. — Хорошо. Но хотя бы причешитесь.

Селена провела рукой по волосам. Они были растрёпаны. Она не расчёсывалась с утра.

— Ладно, — сказала она. — Причешусь.

Она шла по коридору, и каблуки стучали по камню. Коридор был длинным, узким, с высокими окнами, через которые лился серый свет. На стенах висели портреты предков — суровые лица, тёмные платья, руки на эфесах. Селена знала их всех по именам. Она знала, что прадед был трусом, а прапрабабка — отравительницей, а ещё дальше был кто-то, кто, по слухам, продал душу морю и утонул в собственном корабле. Она знала, что все они смотрели на неё с портретов и ждали, что она будет достойна. Она не знала, достойна ли. Она знала только, что делает то, что должна.

Малый зал был пуст, если не считать человека у окна.

Селена вошла, и первое, что она почувствовала, — это тишину. Не ту тишину, которая бывает в пустых комнатах. А другую — плотную, как будто воздух стал гуще. Человек стоял спиной к ней, и Селена сразу поняла: это не старик, не советник, не дипломат с седыми висками. Это был молодой мужчина, высокий, с тёмными волосами, забранными в хвост, в чёрном камзоле, расшитом серебром. Он не двигался. Он просто стоял и смотрел в окно, и в его позе было что-то такое, от чего у Селены по спине пробежал холодок.

Он обернулся, когда она вошла.

У него были серые глаза. Не такие, как у неё, — не серые от усталости, а серые, как грозовое небо перед бурей. И лицо человека, который не привык улыбаться. Не злое — просто холодное. Как будто он давно решил, что улыбка — это роскошь, которую он не может себе позволить.

— Ваше высочество, — сказал он. — Посол Дариус Вейлрандский.

— Я знаю, кто вы, — сказала Селена.

— Знаете.

— Ваша страна убила мою мать.

Дариус не изменился в лице. Он не отвёл взгляда. Он не сделал шаг назад. Он просто стоял и смотрел на неё, и в его глазах было что-то такое, от чего Селена почувствовала себя неуютно. Не вина. Не страх. Что-то более сложное. Как будто он ждал этих слов. Как будто он готовился к ним всю жизнь.

— Ваша страна убила моего отца, — сказал он. — Мы квиты.

Селена почувствовала, как у неё сжимаются кулаки. Ногти впились в ладони. Боль была знакомой, привычной.

— Мы не квиты. Мы никогда не будем квиты.

— Тогда зачем вы здесь? — спросил Дариус. — Если мы не квиты — зачем переговоры?

Селена посмотрела на него. Долго. Она смотрела на его серые глаза, на его холодное лицо, на его руки, которые не дрожали. И она подумала: а ведь он прав. Зачем она здесь? Зачем она тратит время на человека, чья страна убила её мать?

Ответ пришёл сам собой. Он был простым и горьким.

— Потому что мой брат хочет мира, — сказала она. — А я хочу, чтобы моя страна перестала хоронить детей.

Дариус помолчал. Впервые за весь разговор его лицо изменилось — на секунду, всего на секунду. Что-то мелькнуло в нём. Что-то похожее на удивление. Или на уважение.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда давайте поговорим.

Они сели за стол. Селена — напротив него. Между ними лежали документы, которые Альрик подготовил. Дариус даже не посмотрел на них.

— Ваш брат предлагает капитуляцию, — сказал он.

— Я знаю.

— Вы согласны?

— Нет.

Дариус поднял брови.

— Вот как?

— Мой брат — король, — сказала Селена. — Но переговоры веду я. И я не собираюсь подписывать капитуляцию.

— Тогда что вы предлагаете?

Селена открыла папку. Достала чистый лист. Положила его на стол.

— Я предлагаю начать сначала, — сказала она. — Без условий. Без ультиматумов. Просто поговорить.

Дариус смотрел на неё. Долго.

— Вы странная, — сказал он.

— Почему?

— Потому что все на этих переговорах хотят выиграть, — сказал он. — А вы хотите поговорить.

— А что, по-вашему, важнее?

Дариус помолчал.

— Я не знаю, — сказал он. — Я никогда не думал об этом.

Селена улыбнулась. Впервые — по-настоящему.

— Тогда, может быть, нам стоит начать с этого, — сказала она.

Они говорили три часа.

Селена не помнила, как это получилось. Она собиралась быть холодной, жёсткой, непримиримой. Она собиралась показать этому вейлрандцу, что Тарвей не сломлен. Но вместо этого она говорила с ним о море. О книгах. О том, как трудно быть принцессой, когда все ждут, что ты будешь идеальной.

— Я ненавижу быть принцессой, — сказала она.

Дариус посмотрел на неё.

— Почему?

— Потому что все смотрят, — сказала она. — Все ждут, что ты что-то сделаешь. Что ты скажешь что-то важное. Что ты будешь красивой, умной, сильной. И если ты не будешь — тебя осудят.

— Я знаю, — сказал Дариус.

— Знаешь?

— Я посол, — сказал он. — Это почти то же самое. Только без короны.

Селена рассмеялась.

— Ты странный, — сказала она.

— Почему?

— Потому что ты должен быть моим врагом. А я с тобой смеюсь.

Дариус помолчал.

— Может быть, враги — это просто люди, которых мы не знаем, — сказал он. — А когда мы их узнаём, они перестают быть врагами.

Селена смотрела на него. Долго.

— Может быть, — сказала она. — Может быть.

Когда она уходила, Дариус сказал:

— Ваше высочество.

Она обернулась.

— Что?

— Спасибо, — сказал он. — За то, что вы согласились поговорить.

Селена кивнула.

— Не благодарите, — сказала она. — Просто не подведите.

Она вышла из зала и прислонилась к стене. Сердце колотилось. Руки дрожали.

Она только что провела три часа с врагом. И ей понравилось.

Это было плохо. Это было очень плохо.

Но это было.

Глава 2. Первая стычка

Переговоры начались плохо.

Селена знала, что так будет. Она знала это с того момента, как увидела Дариуса в малом зале. Но одно дело — знать, и совсем другое — сидеть напротив него в большом зале, за длинным столом, окружённой советниками и генералами, и слушать, как он спокойно, вежливо, методично разбирает по косточкам всё, что она предлагает.

Большой зал был самым внушительным помещением замка. Высокие своды, огромные окна, длинный стол из чёрного дерева, за которым могли уместиться сорок человек. Селена сидела во главе стола — не потому, что была королевой, а потому, что Альрик не пришёл. Он сказал: «Ты справишься лучше меня». Селена знала, что это значит: «Я не хочу смотреть, как ты проваливаешься». Она не обижалась. Она привыкла.

Дариус сидел напротив. Он был один — без советников, без охраны. Селена подумала: это наглость или уверенность? Потом решила: и то, и другое.

— Вейлранд не будет платить репарации, — сказал Дариус.

— Вейлранд начал войну, — сказала Селена.

— Вейлранд защищался.

— Вейлранд вторгся на нашу территорию.

— Ваша территория была спорной.

— Спорной? — Селена рассмеялась. Смех вышел злым, резким, некрасивым. — Вы убили мою мать на спорной территории?

Зал замер. Советники перестали шептаться. Генералы перестали делать пометки. Все смотрели на неё.

Дариус молчал. В его глазах что-то мелькнуло — не вина, нет. Что-то более сложное. Как будто он хотел что-то сказать, но не мог. Как будто слова застряли у него в горле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.